

*Хрему́вская
история России*

РУССКИЕ РАСПУТЬЯ

ИЛИ ЧТО БЫТЬ МОГЛО,
НО СТАТЬ НЕ ВОЗМОГЛО

*Сергей
Хрему́в*

**ЗА ВѢРУ,
ВОЖДЯ
И ОТЕЧЕСТВО!**

Кремлевская история России

Сергей Кремлев

**Русские распутья или Что быть
могло, но стать не могло**

«Алисторус»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Кремлев С.

Русские распутья или Что быть могло, но стать не возмогло /
С. Кремлев — «Алисторус», — (Кремлевская история России)

ISBN 978-5-906817-98-3

Мы имеем общие курсы русской истории Карамзина, Соловьёва, Ключевского, Покровского. Теперь эти классические курсы подпирает капитальный обзор русской истории Сергея Кремлёва. От неолитических славянских культур до Октября 1917 года – в этом хронологическом диапазоне предпринят не просто анализ реально бывших эпох, но и рассмотрены возможные альтернативы, то, о чём Карамзин писал: «Что быть могло, но стать не возмогло». В русской истории было немало «точек бифуркации», когда мог реализоваться иной вариант эпохи, и Сергей Кремлёв показывает, что русская история после Ярослава Мудрого – это история упущенных возможностей, за исключением пяти-шести эпох. Иван III Великий расширил Русь... Иван IV Грозный уберёг Русь от судьбы Польши, разрушенной собственной элитой... Пётр I дал России мощный импульс развития... Эпоха «потёмкинской» Екатерины – тоже пора исторического рывка. Ленин вместе с народом спас страну от судьбы полуколонии Запада... Сталин, приняв Россию с сохой, вместе с народом вывел её на уровень первой мировой державы, оградившей своё историческое будущее Ядерным Щитом. Только в эти периоды мы не упустили свой исторический шанс, утверждает Сергей Кремлёв и указывает на причину провалов – своекорыстную имущую элиту. Вопрос «Что было бы, если бы?..» постоянно возникает на страницах книги, но ответ на него каждый раз даётся на фоне реальной истории России.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-906817-98-3

© Кремлев С.

© Алисторус

Содержание

Предуведомление от автора	7
Предисловие. Русский народ, русская элита и русская судьба...	9
Глава 1. От Трипольской культуры к Змиевым валам и начальной Руси	21
Глава 2. IX век – 1054 год: От Гостомысла и Рюрика к святому Владимиру	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Кремлёв
Русские распутья, или Что быть
могло, но стать не возмгло

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2016

* * *

*Посвящается народам Советского Союза, имеющим огромные
возможности для творческого созидания и упускающим их в настоящем,
губя умное будущее*

Предуведомление от автора

Книга, которую взял в руки читатель – аналитический обзор русской истории, начиная с праславянских времён до эпохи Петра Великого. И это – лишь первый том двухтомного труда «Русские распутья». В готовом к изданию втором томе «От Петра II Ничтожного до Николая II Кровавого» рассмотрение нашего прошлого доведено уже до Октября 1917 года. Второй том, естественно, преемственен по отношению к первому, однако каждый том имеет и самостоятельное значение.

Необходимость в общем историческом обзоре – сжатом, но достаточно полном, назрела, на взгляд автора, давно. Наиболее известны обзоры Карамзина, Соловьёва, Ключевского, но все они, во-первых, – продукты мысли XIX века. Во-вторых, они и доводят события нашей истории не более чем до того или иного периода XIX века, а нынче у нас «на дворе», как-никак, третье тысячелетие...

К тому же, моя книга – не просто обзорный анализ, а анализ с выявлением точек бифуркации, когда русская история могла бы пойти не так, как она пошла в действительности, а иначе. При этом каждый раз ставится не только вопрос: «Что было, если бы?», но и вопрос: «А почему это “если бы...” не было реализовано?».

Вначале автор предполагал довести рассказ сразу до сегодняшних «путинских» дней, однако объёмность материала вынудила ограничиться – пока что – тем временн ым периодом, который указан выше, к тому же разбив текст на два тома.

Конечно, соблазнительно было бы выпустить в свет сразу один увесистый книжный «кирпич» – так вначале и задумывалось, но в итоге пришлось делить книгу на две в целях удешевления издания. И автор с завистью посматривает на недавно выпущенную издательством «Астрель» при участии издательства «Паломник» двухтомную «Историю России XX века» с 1894 по 1991 год, где каждый том – толст и увесист, хотя и увесист лишь по весу, а не по сути. Этот издательский проект под рукой его генерального директора и ответственного редактора, профессора МГИМО А.Б. Зубова трактует нашу новейшую историю гнусовато, и именно поэтому издан «по первому разряду» – с, надо полагать, явной (а, наверное, ещё и неявной) «спонсорской» поддержкой.

Мою же работу не дотировал никто – если не считать мощной поддержки со стороны таких могучих фигур как Владимир Мономах и Ярослав Мудрый, Александр Невский и Иван Калита, Дмитрий Донской и Иваны III Великий и IV Грозный, нижегородский купец Козьма Минин и князь Пожарский, Пётр Великий и «птенцы гнезда Петрова», герои елизаветинского и екатеринского века, герои Отечественной войны 1812 года и Крымской войны, и, наконец, Ленин, Октябрём которого заканчивается мой двухтомник... И, конечно же, я ощущал поддержку двух извечных героев русской истории – Ивана да Марьи...

Эта поддержка очень помогала в работе, но не помогла в желании издать данный обзор сразу под одной обложкой – от праславян до Ленина.

Ну, что ж, пусть будет так, как будет.

Надо сказать, что идея книги вызревала давно, но её (книги) могло бы и не быть, если бы не настойчивость главного редактора издательства «Алгоритм» Александра Ивановича Колпакиди, в течение нескольких лет подбивавшего автора на подобный труд. В конце концов работа началась, было определено и название: «Русские распутья: от Рюрика до Путина». И вдруг звонок из «Алгоритма» известил меня, что в Москве уже вторым изданием вышла в свет книга трёх авторов: Ирины Карацубы, Игоря Курукина и Никиты Соколова «Выбирая свою историю. “Развилки” на пути России: от рюриковичей до олигархов». Переключка названий (а, возможно, и концепции, и содержания) была настолько очевидной, что пришлось, всё отложив, отыскать эти «Развилки...» и прочесть их.

Оказалось, что, хотя авторы «Развилочек...» – профессиональные историки (а, скорее, как раз потому, что они – профессиональные историки), объективного и самобытного исследования русской истории и её «развилочек» у них не получилось. Книгу заполняли либеральные побасенки о том, что Александр-де Невский – не гордость, а позор русского народа, поскольку отказался от блока с Западом и заискивал перед монголами, а сатрапы Иван III и Иван IV Грозный тем самым сапогом, который позднее носил Сталин, раздавили великую новгородскую республику, лишив Россию светлой демократической перспективы на манер всё того же Запада, и т. д., и т. п.

Стало ясно, что о переключке концепции и содержания говорить не приходится, переключка же названий имела место... Однако, нет худа без добра! После недолгих раздумий было решено несколько изменить как название, так и первоначальный замысел – тем более, что повествование разрасталось – и разделить сей труд на две книги: книгу первую «Русские распутья: от Гостомысла до Ленина» и книгу вторую «Русские распутья: от Ленина до Путина».

Затем и первую книгу пришлось разделить ещё раз – на две. Работа над книгой «Русские распутья: от Ленина до Путина» ещё продолжается, а то, что уже сделано, автор предлагает благосклонному вниманию читателя.

Сергей Кремлёв (Брезкун)

Предисловие. Русский народ, русская элита и русская судьба...

О русском народе и русской судьбе в разное время сказано было немало, и по сей день говорится много. Сказано было и верное, и глубокое, а ещё больше было сказано чепухи...

Фёдор Тютчев написал:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.

Хорошо... И даже – очень, ибо верить в Россию надо. Надо даже в нынешние – беспрецедентно глупейшие и бездарные – путинские времена.

Но не пора ли понять Россию, всё же, умом?

Неужели в России и в её судьбе – в отличие от судьбы других государств, есть нечто, что нельзя разумно проанализировать и осмыслить? И почему для измерения русской истории и судьбы не подходит общий аршин?

Ответ на такой вопрос обязательно должен быть, и в общем смысле дать ответ несложно: история России не измеряется общим аршином потому, что история России оказывается уникальной в точном смысле этого слова, то есть – единственной в своём роде, не имеющей аналогов и прецедентов.

Но в чём её уникальность?

В том, что Россия заняла собой «шестую часть Земли с названием кратким “Русь”...»?

Но почему только Россия это смогла?

А, может, уникальность – в положении России между Европой и Азией?

Но почему Русь – ни Европа, ни Азия? Или, если угодно, почему она и Европа, и Азия?

До нашествия монголов, до погрома русских земель Батыем, Суздальско-Владимирская и Киевская Русь входили в средневековый европейский мир, и это наиболее наглядно выявляется в династических связях великих киевских и владимирских князей с правящими домами тогдашней Европы.

После того, как Русь подпала под азиатское монгольское влияние, она была почти отсечена от Европы, но в Азию не превратилась, а осталась сама собой и сумела не просто изжить монгольское иго, но включить в себя былых своих разрушителей...

Почему?

В этой книге ответ на такой вопрос, пожалуй, даётся. Он даётся, конечно, не в двух словах, однако главный тезис надо бы высказать сразу – уже в предисловии... Начать придётся при этом со времён доисторических, известных лишь по археологическим раскопкам, продолжить временами поздней Киевской Руси, а закончить уже пост-монгольскими временами...

История человека уходит в эпоху палеолита. Это – первый период каменного века, начало которого отстоит от нас на добрый миллион лет назад. В палеолите первобытный, ещё даже не очень разумный, человек, только начинал изготавливать и использовать первые орудия труда.

Время с 10-го до 5-го тысячелетия до нашей эры истории назвали мезолитом – тогда появились лук и стрелы, развилась охота...

Неолит – новый каменный век, датируется временем с 8-го до 5-го тысячелетия до нашей эры, когда люди переходили от «присваивающего» способа хозяйства (собирательство, охота)

к производящему (земледелие, скотоводство). В неолите появляется глиняная посуда, возникают прядение и ткачество.

Примерно с конца 4-го тысячелетия до нашей эры начинается переходный период – энеолит, когда каменные орудия труда сменяются вначале медными – в «медном веке», а потом и бронзовыми – в «бронзовом веке»...

Наконец, в начале 1-го тысячелетия до нашей эры в жизнь человека входят железные изделия – начинается «железный» век.

И все эти долгие тысячелетия на пространствах в многие тысячи километров шло формирование отдельных племён и племенных объединений. Люди осваивали окружающий мир, перемещались с обжитых мест на новые – необжитые, которые или были привлекательнее, или просто не были никем заняты.

Например, готы из Южной Швеции прошли до Азовского моря, Дакии и Испании... Но осели в Германии. Кочевники-гунны, теснимые древними китайцами, в самом начале нашей эры дикой и жестокой массой докатились из глубин Азии до Дона, Дакии и Галлии, но после смерти Атиллы огромное квази-«государство» гуннов, протянувшееся от Дона чуть ли не до Ла-Манша, быстро распалось, а сами гунны растворились в других народах.

А где-то какие-то племена селились прочно и не уходили уже из мест, ставших родными. Среди таких родоплеменных объединений были и славяне – крупнейшая группа европейских народов, объединяемая общностью языков и происхождения.

Николай Васильевич Гоголь – не только великий писатель, но и профессиональный историк (в 1834 году он был определён адъюнкт-профессором по кафедре всеобщей истории Санкт-Петербургского университета) в своих заметках по истории славян помечал: «Некоторые обычаи показывают их происхождение из Индии. 1) Сходство, хоть довольно отдалённое, с языком санскритским. 2) Обычай жён сожигать на кострах».

Да, славянские языки относят к индоевропейской группе. За тысячелетия перемещений народов – перемещений великих и невеликих, известных нам и оставшихся неизвестными – произошло, конечно, немало смещений языков и обычаев. Так, трудами большой группы языковедов, начиная с датчанина Хольгера Педерсена и советского учёного В.М. Иллич-Свитыча, доказано, что подавляющее большинство языков относится к огромной «ностратической» (от латинского *«noster»* – «наш») макро-семье, одной из семей которой является индоевропейская.

При всём при том не приходится сомневаться, что, по крайней мере, со времён мезолита праславяне неизменно занимали огромное территориальное «пятно» в Центральной и Восточной Европе – от берегов Балтики, Эльбы и Одера в бассейн Вислы, и далее на восток – в Верхнее Поднестровье, Верхнее и Среднее Поднепровье и к верховьям Оки, а на севере – к озеру Ильмень и реке Волхов... Славянские территории изобиловали лесами и реками, а на востоке имели преимущественно равнинный рельеф.

Западные праславяне – сегодня это поляки, чехи, словаки и лужичане, граничили с германскими племенами, воспринимаящими какие-то элементы культуры Древнего Рима. Южные праславяне – сегодня это болгары, сербы, хорваты, словенцы, боснийцы, македонцы и черногорцы, предпочли продвинуться ещё южнее – на Балканы, соприкасаясь с Византией...

А восточные праславяне – сегодня это русские-великороссы, украинцы и белорусы, оставались на месте, занимая середину издревле славянского «пятна», условным центром которого можно считать Поднепровье в районе нынешнего Киева. Восточные славяне никуда не уходили, а если и продвигались, то – на север и северо-восток, где не было цивилизационно что-либо значащих народов, а условия жизни были знакомыми – леса и реки. Это было не *переселение*, а *расселение* всё увеличивающегося одного рода-племени.

Отсюда, вне сомнений, и особая привязанность и преданность русских славян – великороссов, украинцев и белорусов, к своему народу и к родной земле. Когда живёшь на землях, в

которых лежат кости пра-пра-пращуров, на землях, освоенных твоими предками пять, а то и десять тысяч лет назад, нетрудно прикипеть к ним всей душой.

С запада и юго-запада восточные праславяне соприкасались тоже со славянами, а с юга – с дикой Степью... Необходимость защиты от степняков заставляла объединяться, и родоплеменные прото-государственные объединения русских славян возникли, скорее всего, ещё в самом начале нашей эры. Если не раньше! При этом в них было сильно «вечевое» начало – сборы, сходки... Собственно, вече в том виде, в каком оно существовало у русских славян, не встречается больше ни у кого, включая славян западных и южных.

И только у русских славян очень рано сформировалось особое чувство общности прав членов племени на ту землю, которую они населяли. Такими уж оказались условия формирования именно русского национального прото-характера.

Уникальным оказалось и то, что в Европе – особенно в Западной Европе, народам приходилось тесниться на небольших пространствах, а русским славянам было куда податься... При этом родственность общерусскому у ушедших не притуплялась – они оказывались лишь пионерами на новых рубежах, за которыми подтягивались другие. Эта цивилизационная особенность приведёт со временем русских на берега и Северного Ледовитого, и Тихого океана.

Когда на пути «из варяг в греки» – о нём будет сказано в своем месте, образовалась Киевская Русь, от которой «отпочковалась» позднее Владимиро-Суздальская Русь, общерусские права на русскую землю были делегированы великому князю... На Руси не возникло феодализма в его европейском понимании с принципом: «Вассал моего вассала – не мой вассал». В Западной Европе феодал-владелец владел вполне определённой территорией, а в Киевской и Владимиро-Суздальской Руси удельный князь сегодня мог княжить в Угличе, завтра – в Галиче, а через год или два – в Полоцке или в Великом Новгороде, – в зависимости от указаний великого князя и изменения прав старшинства... Такого не было нигде, кроме Руси! Могла повлиять на перемещение и воля народного веча, не приемлющего одного князя, и желающего другого. Сами князья при этом были не столько владельцами, сколько администраторами и «сторожами» в своих уделах. Подробно об этом будет сказано позже.

На Руси существовало до 120 удельных княжеств, и по мере роста их благосостояния центральные связи ослабевали. Всё было бы не так и страшно – при всех княжеских распрях чувство единой русской общности сохранялось и даже укреплялось во всех слоях русского раннесредневекового общества, а, значит, имелась и база для новой централизации власти под рукой или Киева, или Владимира.

В любом случае, Русь развивалась бы и крепла даже при раздельном государственном существовании южно-русских, юго-западных и северо-восточных русских земель. Позднее это могло бы привести к образованию триединой Русской федерации...

Но тут из глубин Азии на Русь пришли монголы Чингисхана и в два года предали огню результаты цивилизационной работы русских славян на протяжении нескольких веков. Начался «монгольский» период русской истории, однако тысячелетнее чувство общности не только не исчезло в пределах земель русского славянства – собственно, уже русского народа, а позволило пережить и изжить владычество монголов, и создать, как гарантию от нового погрома, особо централизованное – самодержавное государство.

Такой судьбы и истории действительно не было ни у одного «исторического» народа, почему её и нельзя мерить общим «аршином».

Однако здесь нет мистики, а есть лишь исключительные, не характерные для других народов, факторы формирования национального характера и национального государства. Напомню, это: 1) уникальная привязанность к родной земле, обусловленная древностью поселения; 2) уникальная государственность, обусловленная древней потребностью в объединении для защиты и ранним осознанием права на свою землю и её защиту; 3) уникальная широта подхода к жизни, обусловленная возможностью нестеснённого расширения пределов нацио-

нального обитания; 4) наличие уникального по мощи и уровню влияния негативного внешнего фактора, который был, тем не менее, изжит за счёт первых трёх факторов.

Вот чем объясняется «особенная статья» России...

Поняв это, мы поймём – умом поймём, что русский народ и Российское государство могут успешно существовать и развиваться лишь как самобытные исторические явления, ассимилирующие в себе всё положительное из достижений внешнего мира, но не сливающиеся с внешним миром до тех пор, пока этот мир будет разделён межгосударственными перегородками.

Только для России условия её исторического бытия сложились так, что Россия может слиться с остальным миром лишь тогда, когда исчезнут условия несправедливого разделения мира. Для России гибельна интеграция в современный мир, «глобализованный» на западный манер, то есть – в мир, где основными оказываются принципы не общности судьбы народов и людей, а принципы индивидуалистического потребления, избыточного у одних за счёт недостаточности у других.

Именно к такому основополагающему выводу приводит анализ русской истории, начиная с её праславянских корней, последующий рассказ о русской истории, надеюсь, это покажет.

Далее же в предисловии надо сказать следующее...

Эта книга – не просто о русской истории, но также о том, могла ли русская история в те или иные моменты – начиная со времён летописных, то есть – со времён Гостомысла и Рюрика, пойти иначе, чем оно состоялось на деле?

Но эта книга также о том, что было бы, если бы в тот или иной момент история пошла по иному, чем было, пути... Задуматься на сей счёт – отнюдь не означает впасть в авантюру. Всё дело в том, как и с какими целями мы будем вопрошать прошлое?

Любой человек не раз и не два в своей жизни спрашивал себя: «А что было бы, если бы я поступил не так, как поступил, а иначе? Или если бы случилось не то, что случилось, а что-то другое? Как бы тогда сложилась моя судьба?... Как бы пошла жизнь?».

Задавать подобные вопросы, казалось бы, глупо. Всё сложилось, как сложилось, и в том что уже произошло, нам ничего не изменить, даже если это произошло секунду назад. С другой стороны, задаваться такими вопросами полезно... Если ты где-то, когда-то и в чём-то сделал неверный выбор, то осознание этого поможет сделать верный выбор в дальнейшем.

А если ты, оглядываясь назад, особых ошибок в уже прожитой жизни не видишь, то это укрепляет тебя в правильности сделанного выбора, помогает и дальше идти верным путём.

Жизнь человека может быть вариантной, хотя фаталисты и считают, что у каждого – своя судьба. Но это – в случае отдельного человека. А как там с народами, со странами, с государствами? Или, если иначе – с историей? Могут ли быть и в истории народов развилки, распутья, точки ветвления – своего рода точки бифуркации (от латинского *bis* – дважды, и *furca* – вилы)?

Или, всё же, не могут?

В географии под бифуркацией понимают разделение рек на две ветви, которые направляются в разные бассейны и в дальнейшем уже не сливаются. Реальная же история – это всегда одна, единая, мощная и не ветвящаяся «река». Так что в «географическом» смысле бифуркации в истории никогда не происходит...

А в историческом? Реальная история не раздваивается, но в ней есть точки бифуркации, когда «река» могла бы потечь иначе – удобнее, привольнее, да вот – что-то помешало.

Что?

И, всё же – что было бы, если бы?

Задаться этим вопросом полезно не только отдельному человеку, но и народу, особенно – русскому, советскому. Да, если уж на то пошло, это не помешало бы и всему человечеству. Причём иногда это «что было бы, если бы...» само просится на язык.

История считает эпохами, человек – днями и годами, бывает – минутами и мгновениями. Но порой исторический и человеческий счёт сравниваются.

В Полтавской битве Петра в ходе «генеральной баталии» – той последней двухчасовой фазы сражения, когда всё и было решено, победа русских в какой-то момент висела на волоске. Шведы ударили на Новгородский пехотный полк, и неприятель «на штыках сквозь» прошёл через первый батальон... Могло быть смято русское левое крыло, девяти полкам грозила опасность быть отрезанными от основных сил. И тут в самое пекло боя примчался Пётр и лично возглавил штыковую контратаку второго батальона новгородцев и остатков первого батальона...

Позднее отчёт о Полтавской битве выделил эту ситуацию как решающую: «всё щастие реченной баталии от единого оного исправления зависело». Но «баталия» могла пойти для русских и вовсе иначе – в той контратаке пуля пробила Петру шляпу.

А могла пробить и голову...

Какой была бы тогда история России и мира?

Тот или иной виртуальный поворот – в результате одномоментного или скоротечного события – история России и мира могла совершить ещё не раз. Но как понять – так ли уж неизбежным был тот или иной разворот исторических событий? И почему он развернулся так, а не этак? И что на данный разворот повлияло? И не могло ли произойти в жизни людей что-то другое? Скажем, более умное, нужное и важное, чем то, что вышло на деле?

И что мешало реализации умного и способствовало реализации глупого? Впрочем, бывало ведь и наоборот – реализовывалось нужное народам! Например – победа петровской России над Швецией, а не Швеции над Россией.

Увы, так бывает не всегда...

Но почему? И что определяет ход истории?

Герои?

Экономика?

Случайности?

Или – объективные исторические законы?

Конечно, в первую очередь ход истории определяют объективные предпосылки. И объективные исторические законы имеются. Но они действуют лишь в те исторические периоды, для которых верны, и в сегодняшнем обществе действуют далеко уже не все те исторические законы, которые действовали сто лет назад. А сто лет назад действовали не все те законы, которые действовали в эпоху, скажем, Петра Великого...

Однако, надо заметить, что перед имущими классами всегда, во все времена, стояла и стоит задача сохранить свои несправедливые привилегии и обеспечить себе возможность устраивать свою хорошую жизнь за счёт широких народных масс. Этот социальный закон справедлив для любого классово разделённого общества – от рабовладельческого до «пост-индустриального»... И имущие классы ради своекорыстных интересов пренебрегали общественными интересами уже тысячи лет назад. Особенно ярко это проявилось в истории России, и мы это увидим.

Если мы, дойдя в своём анализе истории до той или иной «развилки», того или иного распутья, спросим: «А почему тогда вышло глупо, а не умно? Что помешало умному варианту?», то каждый раз будет верным один ответ: «Помешала позиция элитарных “верхов” общества». *Всегда* во всём том негативном, ужасном, кровавом, разрушительном, что проис-

ходило с народами, и особенно – с русским народом, были виновны не народные «низы», а элитарные «верхи». А точнее – наиболее шкурная, наиболее алчная и подлая часть этих «верхов».

Сегодня, впрочем, в мировых и российских «верхах» уже не осталось ничего, кроме шкурничества, алчности и подлости. Сегодня элиты антиобщественны тотально, в них нет конструктивной части. Таков вполне закономерный финал тысячелетней деградации правящих имущих элит.

И, прежде всего – русской элиты.

Последовательный обзор и альтернативный анализ русской истории вскрывают и это... И уже для того, чтобы это понять, имеет смысл заняться выявлением и анализом несостоявшихся русских исторических конструктивных альтернатив. Ведь, поняв непреходящую историческую преступность прошлых элит, нам будет проще понять всю преступность элит современных.

Поэтому книга о русских распутьях – это, в некотором смысле, и история русских элит, рассказ об их негативной роли в русской истории и русской судьбе.

У большинства профессионалов-историков по сей день считается хорошим тоном утверждать, что история-де «не терпит сослагательного наклонения». «Что было бы, если бы...» – это, мол, занятие не для историка и вообще не для серьёзного человека. Имеет значение только то, что было, то есть – история реальная.

Но ведь в реальной истории существовали не только те силы и факторы, которые определили реальное течение событий! В реальной истории существовали, как правило, и другие силы и факторы, которые могли бы определить *иное* течение событий, но – по тем или иным причинам – не определили...

А почему так вышло? Разве это не вопрос для пытливого учёного?

Ещё чаще, чем историки, эту сакраментальную фразу – насчёт сослагательного наклонения, вслед за историками повторяют просто граждане, историей в той или иной мере интересующиеся. Однако здесь, пожалуй, как и в случае с профессионалами, имеет место некое заблуждение.

У слова история есть несколько значений. Применительно к предмету нашего разговора можно говорить об истории, во-первых, как о совокупности бывших в прошлом событий, имевших более или менее важное общественное значение. И тут говорить не о чём – *эта* история, конечно же, сослагательного наклонения не имеет – что было, то было.

Другое дело, когда мы говорим об истории, как о науке... Вот тут будет вполне справедливо заявить, что просто описание того или иного исторического периода и анализ того лишь, что в нём происходило – подход недостаточный и устаревший.

Устаревший чисто научно...

Да, в своё время историк мог считать свою задачу выполненной, если он с максимальной полнотой и с привлечением всех имеющихся документальных данных описал тот или иной исторический период. Просто описал и проанализировал то, что было.

Однако любая наука – а история, если это не свод фактов, тоже наука – не может не развиваться... При этом любая наука накапливает и анализирует новые знания, а также совершенствует свою методологию.

Как может и должна развиваться наука история?

Конечно, она развивается в сторону постоянного накопления новых знаний и всё лучшего понимания реально происходившего... Со временем мы узнаём больше даже о тех эпохах, от которых не осталось ни одной строчки – не то что писаной, но хотя бы высеченной на камне. Появляются новые данные археологических раскопок, выявляются ранее неизвестные связи между различными точками планеты и т. д.

Кроме того в старых архивах отыскиваются затерянные документы, относительно новые архивы рассекречиваются, и это тоже даёт истории новые знания, а они, в свою очередь, поз-

воляют углублять наше понимание той или иной исторической эпохи, а порой заставляют полностью пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды и наше представление о событиях.

И всё это относится к фактически бывшему...

А как быть с **не** бывшим, но в той или иной степени **возможным**? Как писал Карамзин: «Что быть могло, но стать не возмогло».

Нет, при рассмотрении любого периода истории историку не только можно, но и нужно задаваться вопросом: «А не было ли в реальной истории таких сил и факторов, которые могли бы изменить ход событий в иную – благоприятную для человечества сторону?».

Если в результате анализа окажется, что в исследуемом периоде таких сил не было, анализ окончен.

А если окажется, что «рациональные» силы, факторы, мотивы и варианты были, но не реализовались, необходимо научно исследовать – почему они не реализовались? Необходимо спросить себя: «Кто, что и как помешало реализации вариантов, разумных с позиций мира и процветания народов – без чего подлинный прогресс невозможен?».

Это ведь не только академически интересно, но и важно для нашего возможного умного будущего!

Лишь выявив в исследуемом историческом периоде факторы и силы, сорвавшие рациональный вариант, исследователь может считать свою работу учёного законченной.

В распоряжении учёного-историка нет, к сожалению, такого мощного инструмента исследования, как прямой эксперимент, когда есть возможность выявить и рассмотреть побочные эффекты, оценить «вес» тех или иных привходящих факторов и т. д. Но тем не менее при исследовании истории использовать метод «мысленного эксперимента» с постановкой вопросов: «Что было бы, если бы...».

Умея анализировать не только свершившееся, но и **не** свершившееся, мы будем лучше ориентироваться в нашем настоящем и возможном будущем.

Не так ли?

Полезен также синергетический взгляд на события мировой и российской истории. Синергетика – новая наука о развивающихся системах... Кроме прочего, она оперирует понятием «точки бифуркации» как момента, когда система уже не может развиваться по старым законам и срывается в хаотическое состояние, из которого переходит в то или иное устойчивое состояние. Это новое устойчивое состояние может быть негативным, а может быть и позитивным – в зависимости от того, какие факторы оказались решающими. Но и в случае негативного исхода в системе может накапливаться позитивный потенциал будущей бифуркации.

При этом первостепенное значение могут иметь даже малые возмущения – если они вводятся в соответствующий момент. Как, например, введение в жизнь России единственного человека – царя Петра Первого...

Рассмотреть исторические переходы от устойчивой системы к хаотической неустойчивости, переходящей в новое устойчивое состояние – подход и научно корректный, и плодотворный. Этот подход позволяет дать наиболее полную и объёмную историческую картину.

Возьмём, например, два таких судьбоносных события в русской истории, как монголо-татарское иго и петровские реформы...

До нашествия Батыя русское общество развивалось – несмотря на княжеские дрязги и междоусобицы, вполне устойчиво... Приход на Русь Батыя вверг её в хаос, но затем на два века наступило хотя и трагическое, но новое устойчивое состояние – монголо-татарское иго, когда оккупанты не жгли русские города, а устойчиво облагали их данью. Внутри устойчивого состояния накапливались факторы, призванные перевести Русь в новое состояние, и это привело к новой неустойчивости, но – более сглаженной, в форме вооружённой борьбы с Золотой Ордой. А эта борьба, которая одно время шла с переменным успехом, привела в итоге к устойчивому росту Русского государства.

Или – время Петра...

Россия времён его отца – Алексея Михайловича, была системой вполне устойчивой, но уже носившей в себе будущую точку бифуркации – те или иные будущие государственные и социальные потрясения, которые могли привести или к полной деградации Руси, или к новой фазе её развития... Так оно на деле и получилось! Причём малый, казалось бы, в масштабах истории, субъективный фактор – личность Петра, наложенный на объективные потребности и исторические задачи России, обеспечил мощный синергетический эффект.

В следующий раз подобный эффект проявился в соединении с задачами российского общества фактора Ленина, и затем – Сталина...

В русской истории тех или иных распутий было не так уж и мало, но в до-советский период насчитывается всего, пожалуй, пять *великих* точек бифуркации: 1) вотчинный раздел Киевской Руси, 2) нашествие Батыя, 3) эпоха Ивана Грозного, 4) эпоха Петра, 5) Великий Октябрь 1917 года...

В каждой из этих точек был возможен альтернативный исход – в одних случаях положительный, в других – отрицательный. Так, вместо упадка и раздробления Киевской Руси в XIII веке можно было бы иметь единую Русь от Карпат до Волги... И это было бы, естественно, благом... Зато вместо единого Московского царства Ивана Грозного мы могли получить царство бояр по типу польской «шляхетской республики» с последующей исторической судьбой, не более славной, чем у польских панов.

А вот, например, ликвидация татаро-монгольского ига альтернативы не имела, и вопрос – что было бы, если бы мы его не изжили? исторически бессмыслен. Россия не могла не изжить иго, а упадок Золотой Орды был лишь вопросом сроков этого падения.

Как ни странно, ни в советской, ни в пост-советской России не было предпринято ни одной попытки серьёзного, то есть – научного, альтернативного исследования мировой и русской истории.

На Западе нечто подобное предпринималось, причём – на формально научном, а не «триллерном» уровне. Так, в 2002 году в Лондоне был издан коллективный сборник «Third Reich Victorious: The Alternate History of How the Germans Won the War». В 2004 году он был переведён издательством АСТ (редакция «Астрель») на русский язык и издан в Москве под названием «Победы Третьего рейха: Альтернативная история Второй мировой войны». Десяток магистров, докторов, полковников и подполковников из Англии и США описали в нём, как немцы выиграли-таки ту войну против России.

Впрочем, давая такой вариант истории, военные историки Запада не поднялись выше «методологии» создателей анти-исторических триллеров. Гитлер мог выиграть войну, лишь сохранив мир с СССР... Любые иные варианты в рамках *научного* виртуального анализа абсолютно некорректны! Однако англосаксы-«аналитики» производят Георгия Жукова времён войны в Генеральные секретари ЦК КПСС (это при «живой», так сказать, ВКП(б) на протяжении всех сороковых годов), а фельдмаршал Манштейн устраивает советским танковым войскам новый «Танненберг» в феврале 1945 года «на равнинах Центральной Польши». На Западном фронте, в Нормандии, при этом, естественно, подписано сепаратное перемирие, позволившее немцам «перебросить тысячи орудий с западных границ рейха на Восточный фронт»...

Лично меня лавры авторов таких опусов не привлекают, а вот идея взглянуть на историю через призму метода «Что было бы, если бы...» представляется, как уже было сказано, вполне интересной и актуальной, тем более, что за тысячу летописных лет русской государственности Россия и её народы оказывались на больших и малых исторических распутьях не раз... Не отыскав верный взгляд на те давние годы, вряд можно верно взглянуть и на наше недавнее

советское прошлое, и на ту нашу историю, которая совершается сегодняшними поколениями – совершается, даже если они пока исторически инертны и бездействуют.

В отличие от стран Запада, русская судьба, судьба России как великой мировой державы, не раз висела на волоске. Но каждый раз нас спасал, так сказать, «русский Бог» – особое, лишь в русском народе так прочно и давно привившееся пронзительное чувство Отечества.

Разные народы имеют свои крылатые фразы, выражающие их любовь к Родине, но нет ничего сильнее и ярче, чем строка Пушкина: «И дым Отечества нам сладок и приятен...». Как далеко это от древнеримского «Ubi bene, ibi patria» – «Где хорошо, там и родина», ставшего принципом подхода к проблеме отечества англосаксов, и не только их.

Знатоки русского фольклора могут возразить, что и у русских есть схожие поговорки: «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше», «Где бы ни жить, только бы сыту быть», или – «Хоть бы в Орде, да в добре»... Однако подобные поговорки, и особенно – последнюю, придумали не русские, а русскоязычные люди.

Да и не люди, а людишки...

Таких ведь на Руси тоже всегда хватало, да и хватает!

Но судьба России висела, висела на волоске...

Монголо-татарское иго мы не могли не избыть – слишком мощный потенциал единого и гордого государства был создан до этого Киевской Русью. И лучшим доказательством этого служит «киевский» цикл русских былин, веками изустно передававшихся из поколения в поколение как нравственная эстафета и напоминание предков потомкам.

А вот могучая пост-монгольская Россия могла бы и не состояться, если бы в критический для её будущего момент не появился такой государь, как Иван Грозный, до мозга костей проникнутый идеей сильной централизующей государственной власти. Россию вполне могла постигнуть в этом случае судьба Польши, в конечном счёте разодранной в клочья шляхетским своеволием.

К счастью, Иван Грозный родился, жил, правил, и заложил в ткань русской истории тот потенциал единой и неделимой России, который помог Петру начать и провести его реформы.

А если бы Пётр не родился?

Что ж, судьба России опять повисла бы на волоске.

Но Пётр родился, жил, правил...

И после Петра на будущее России работал потенциал, созданный уже им. Хотя лишь в правление Екатерины II историческая судьба России определилась как прочно великая и могущественная.

Внимательно всмотревшись в русскую историю, начиная со времён после Ярослава Мудрого, видишь, что история России – это, во многом, история упущенных возможностей, за исключением пяти её периодов: эпох Ивана III, Ивана IV Грозного, Петра I, Ленина и Сталина... Даже век Екатерины Великой – тоже, казалось бы, бесспорная пора русской истории, упустил из возможного немало, хотя эпоха «потёмкинской» Екатерины – пора очередного российского исторического рывка.

В то же время, русская история – это история и реализованных великих возможностей, реализованных в те пять-шесть периодов, которые упомянуты выше! А, значит, история России – это великая история.

И мы это увидим.

Понять русскую историю нельзя и без осознания того, что роль и значение войн для России всегда были принципиально иными, чем для остальных великих держав, и русская история как никакая другая даёт нам много поводов для размышлений в этом направлении, потому что Российское государство по критерию «мощь-сдержанность» оказалось уникально миролюбивым на протяжении большинства важных периодов своего существования. И тому есть

причины – в отличие от других великих держав, Россия на больших войнах чаще теряла, чем приобретала.

Да и приобретала она лишь тогда, когда возвращала своё же, или выходила к своим естественным рубежам. Но переходить за них Россия никогда не переходила, исключая случай третьего раздела Польши, о чём в своём месте будет сказано.

Французы говорят: «На войне, как на войне», но это – не философия защитника Отечества, это – попытка оправдать нарушение законов и норм обычной жизни в ситуации, когда пределы вседозволенности определяются грубой силой.

Французы говорят: «Труп врага веселит», и они же утверждают: «Труп врага всегда пахнет хорошо»...

У русского народа нет подобных «крылатых фраз». Для русского человека война всегда была тяжёлым испытанием, навязанным извне, и всегда же – трудом. Не знаю, но могу предполагать, что словосочетание «ратный труд» имеется лишь в русском языке! Оно и понятно... Можно ли назвать ратным *трудом* походы, например, Александра Македонского? Или – Ганнибала и Цезаря? Или – Наполеона? Тридцатилетнюю войну? Войну за «Испанское наследство»?..

Вряд ли...

Русские всегда предпочитали мирный труд на своей земле вооружённому захвату чужих земель. Но и ратным трудом на своей земле русским приходилось заниматься постоянно – отнюдь не по своему желанию. В том числе и поэтому русский народ, умея воевать, всегда стремился к миру.

Эта наша особая «миролюбивая» черта проявляется даже в языке. Если слово «война» в русском языке, как и во всех прочих, имеет один – грозный и однозначный, смысл, то слово «мир» в русском языке означает два хотя и внутренне родственных, взаимозависимых, но, всё же, разных понятия.

Современное правописание скрыло характерную деталь, которая в дореволюционном языке была очевидна. Слово «миръ» в словаре Даля определяется как «отсутствіе ссоры, вражды, несогласія, войны; ладъ, согласіе, единодушіе, пріязнь, дружба, доброжелательство; тишина, покой, спокойствіе».

А слово «міръ» (через «і»!) тот же Даль трактует как «вселенная;... наша земля, земной шаръ, свѣтъ; всѣ люди, вѣсь свѣтъ, род человѣчскій»... Слово «міръ» означает также «община, общество крестьян».

В английском же, например, языке «мир» – это «peace», а «міръ» – это уже «world».

Вообще-то, современная русская норма, объединившая два понятия в одном написании, представляется вполне удачной. Она даже более глубока и символична по сравнению со старой нормой. Нет мира людей без мира в мире.

Вряд ли есть другой великий и могучий народ, кроме русского, который воспринимал бы и проводил в жизнь этот принцип так последовательно и «массово» с самого начала своей национальной истории.

Наконец, последнее...

Одна из целей написания этой книги – стремление побудить соотечественников (соотечественников не по странной стране «Россияния»-«Russia», а по разрушаемому, но до конца ещё не разрушенному, Советскому Союзу) задуматься над нашим прошлым для того, чтобы затем, по рекомендации Марка Блока, «понять настоящее с помощью прошлого»...

Говорят, умные люди учатся на чужих ошибках, а глупые – на собственных. Но как надо определять тех, кто не учится даже на собственных ошибках? Это – вовсе уж социальные идиоты! Неужели народы великой России окажутся именно ими – непроходимыми и неисправимыми социальными идиотами?

Зачем?

Однако народы ведь не становятся социальными идиотами сами по себе или по своему желанию. Их такими делают, и на историках лежит особая ответственность в том случае, если они не противодействуют историческому оглуплению народов.

И как же определять тех, кто этому оглуплению *способствует* и в нём *участвует*?

В ходе работы над двухтомником по русской истории, с первым томом которого читатель знакомится, я пользовался многими источниками, в число которых входило, например, и академическое издание 1997 года «Екатерина II и Потёмкин. Личная переписка 1769–1791», подготовленное к печати и прокомментированное В.С. Лопатиным. Его же перу принадлежит и помещённая там же большая статья с хорошим и точным названием: «Письма, без которых история становится мифом».

Что касается той эпохи, которой принадлежат адресаты публикуемой В.С. Лопатиным переписки, и которая стала в немалой мере результатом их личных усилий, то тут публикатор объективен и вполне убедительно опровергает устоявшиеся анти-екатерининские и анти-потёмкинские мифы.

Но что касается советской эпохи, то относительно неё публикатор переписки Екатерины II и Потёмкина сам пытается внедрить в общественное сознание ряд антисоветских и весьма злобных мифов. Он пишет: «На страницах (советских. – С.К.) книг и статей, посвящённых екатерининскому времени, неподобающе видное место заняли Емельян Пугачёв, Александр Радищев и Николай Новиков, оттеснив на задний план и саму императрицу, и её сподвижников. Лишь Суворов удостоился небывалой чести...», и т. д.

Уже это, конечно же, не так... Спору нет, ни Екатерина, ни Потёмкин советской эпохой на пьедестал не возводились, однако имена Екатерины и Потёмкина народу были известны не по изданиям «Самиздата», причём их деятельность подавалась в СССР без особых восторгов, но, в целом, объективно. Особенно это касается Потёмкина – достаточно вспомнить то, как он изображён Борисом Ливановым в фильме Михаила Ромма «Адмирал Ушаков», снятом в 1953 году.

Но В.С. Лопатин идёт в своём чёрном мифотворчестве и дальше: «... Тяжёлые репрессии обрушились на русских историков. Сам предмет истории был исключён из высших и средних заведений (очевидно, имеется в виду исключение истории, всё же, не из самих заведений, а из *курсов* учебных заведений, ибо предмет – не студент. – С.К.). Целые поколения были обречены на историческое беспамятство...».

И вот это – просто ложь!

Передо мной лежит книга – сборник документов. Серия – «Документы и материалы по истории народов СССР». Название – «Реформы Петра I». Составитель – В.И. Лебедев. Издана Государственным социально-экономическим издательством («Соцэкгиз»). Год издания – 1937-й...

Вступительная статья – вполне объективная, Пётр оценен высоко и справедливо. В аннотации сказано, что сборник «рассчитан на преподавателей и на семинарские занятия со студентами».

В том же 1937 году фильм В. Петрова «Пётр Первый» с Николаем Симоновым в главной роли получил высшую премию Международной выставки в Париже.

Что, это – воспитание исторического беспамятства?

Через 80 лет после совершения Великой Октябрьской социалистической революции историк Лопатин, получивший свои знания истории в советском вузе, облыжно заявляет: «Лишь угроза военного вторжения заставила правящий режим вспомнить об истории России... Когда враг стоял у стен Москвы и Ленинграда, народу помогали выстоять не революционеры, запечатлённые в книгах, памятниках и фильмах, а великие предки – исторические герои

русского народа – Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов, Михаил Кутузов...».

Ну, зачем же так?

Те поколения, которые нередко ценой жизни выиграли Великую Отечественную войну, не были, конечно, Иванами, не помнящими родства с Невским и Пожарским, но они были также воспитаны на фильмах «Чапаев», «Щорс» и «Ленин в Октябре», на трилогии о Максиме, на фильмах «Мы из Кронштадта», «Семеро смелых», «Тринадцать»... Эти поколения зачитывались великим романом Николая Островского «Как закалялась сталь», но они же зачитывались и «Петром Первым» Алексея Толстого...

Что, историк Лопатин обо всём этом не осведомлён?

Пожалуй, показательно, что, дав **якобы свой** ряд исторических героев русского народа, антисоветчик Лопатин просто повторил – не ссылаясь на первоисточник – ряд, названный **большевиком Сталиным** в его речи на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года.

Если бы, к слову, имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, названные тогда Сталиным, были для советских людей, воспитанных якобы в историческом беспамятстве, пустым звуком, смог бы Сталин апеллировать к этим великим именам, смогли бы эти имена великих предков воодушевлять потомков?

Перед тем как клеветать, господа, не мешало бы и подумать...

При этом показательно и то, что Лопатин не включил в ряд исторических героев ни «Медного всадника» – царя Петра, ни адмиралов Нахимова и Корнилова, ни генерала Тотлебена, ни капитан-лейтенанта Казарского, царские памятники которым как были поставлены в Севастополе до 1917 года, так и стояли там же в 1941 году...

Нет, историческое беспамятство в народах России, и в народах всего уничтожаемого по сей день Советского Союза (кроме народа белорусского) воспитывают как раз сегодня... При этом новые поколения плохо знают не только Ленина и Циолковского, маршала Рокоссовского и академика Келдыша, но и Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Евпатия Коловрата, Потёмкина, Ломоносова, Багратиона, адмирала Нахимова, матроса Кошку...

В ходе моей работы эта тема не раз возникала в разговорах с крупным нашим философом и обществоведом Ричардом Ивановичем Косолаповым, которому я благодарен и за обсуждения, и за ценные подсказки, углублявшие суть проблемы. Мы много говорили о том, что правящий сегодня путинский режим лишает народ его истории; что ранее ельцинцами, а теперь ельциноидами выращены поколения, обречённые – пока что – на историческое беспамятство.

Более того – общественное сознание активно населяют ложной исторической памятью, заменяя победу русских воинов Александра Невского на льду Чудского озера некой потасовкой, в которой якобы погибли два-три новгородца; вовсе отменяя победу русских князей Дмитрия и Владимира Донских на поле Куликовом, и внедряя в юные и не очень юные головы лживые гнусности о советском периоде русской истории.

Вот почему моя книга о русских распутьях, о нашей **несбывшейся** (когда – к сожалению, а когда и к счастью) истории, рассказывает также о той реальной истории России, которая **была**, и которую нам надо знать **во всей её полноте**. Ведь рассмотренная честно, объективно и всеобъемлюще, русская история даёт нам основания смотреть в прошлое с гордостью, а в будущее – с надеждой...

В прошлом мы не раз глупо падали, но каждый раз поднимались и шли дальше и выше. Почему бы нам не подняться и после того падения, которое началось в 1991 году и продолжается по сей день?

Ведь в прошлом у нас – великая история...

Глава 1. От Трипольской культуры к Змиевым валам и начальной Руси

Любая история – история ли отдельной человеческой жизни, история жизни человечества вообще, и история народа, имеет где-то своё начало.

Где начинается история русского народа?

Знаменитый наш историк Василий Осипович Ключевский первый раздел V-ой лекции из своего курса русской истории озаглавил так: «Начальная летопись как основной источник для изучения первого периода нашей истории».

Начальная летопись – это летописный свод летописца Нестора «Повесть временных лет», начинающийся со слов: «Се повѣсти времянныхъ лтъ, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть».

Академик Герард Фридрих Миллер (1705–1783), немец, в двадцать лет ставший до конца дней своих российским подданным, в статье 1755 года «О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях одного» заявлял, что труд Нестора уникален среди летописей «прочих славенских народов» как древностью, так и охватом событий...

Итак, русская история начинается со времён начальной летописи, то есть – «Повести временных лет» Нестора?

А что было до Нестора?

Монах Киево-Печерского монастыря Нестор окончил свою «Повесть...» к 1113 году, а первые летописные («погодные», то есть – по годам) записи относятся к IX веку (800-м годам), и известны нам по источникам XIV века. Иногда «погодные» заметки занимали одну-две строки, и первый летописный свод, включавший все раннее записанные исторические сведения, относится ко времени княжения Владимира Святославича – к 997 году.

Так что труд Нестора – это, собственно, компиляция более ранних источников, летописных сводов 997, 1073 и 1093 годов. Но и сама «Повесть...» известна по более поздним спискам, наиболее старыми из которых являются Лаврентьевская летопись 1377 года (древнейшая из дошедших до наших дней в оригинале) и Ипатьевская летопись 20-х годов XV века...

Когда мы имеем в виду «самое-самое» начало русской истории, то говорим: «со времён Гостомысла»... Однако Гостомысла у Нестора нет, это имя впервые появляется лишь в 1-й Софийской летописи XV века, хотя Гостомysl и упоминается там как исторический персонаж IX века, то есть – ещё до-несторовой эпохи.

Софийская летопись сообщает, что ильменские словене поставили город Новгород и посадили в нём старейшину Гостомысла...

К Гостомыслу я ещё вернусь, а сейчас замечу, что уже этот предельно краткий обзор начального русского летописания даёт основание для того, чтобы задуматься: чем оперируем мы, когда уверенно толкуем о начальной русской истории – достоверными историческими данными, или полуполюгендарными интерпретациями авторов летописных сводов?

Сразу скажу, что труд не одного поколения историков-подвижников прошлого в течение почти трёх веков – начиная с Василия Татищева (1686–1750) и заканчивая честными советскими историками, позволил отсеять в летописях сказания и легенды от точных сведений и оставить шлих исторической истины...

А примерно с середины XIX века в распоряжение исследователей начальной русской истории стали поступать данные и археологических раскопок, которые в XX веке – в Советской России, стали государственным делом. Более внимательно стали присматриваться и к русским

былинам и сказаниям, где историзма порой бывает побольше, чем в иных академических трудах... Недаром Байрон сказал:

Порой историк вводит в заблужденье,
Но песнь народная звучит в сердцах людей.

Во времена Ключевского результаты археологических раскопок, и славянский фольклор как источники исторических знаний в ходу ещё не были. Поэтому Ключевский и мог отсчитывать нашу историю от её «летописного» начала...

Плохо то, что и в начале XXI века мы часто воспринимаем русскую историю всё так же – со времён Гостомысла, Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, Владимира... Однако это – конец первого тысячелетия нашей эры. Помним мы о «летописных» древлянах и полянах, о русичах и вятичах...

Пушкин, всерьёз интересовавшийся прошлым Родины, в «Заметках по русской истории» сжато отмечал: «Поляне жили на берегах Днепра, северяне и суличи – на берегах Десны, Сейма и Сулы, радимичи – на берегах Сожа, дреговичи – между Западной Двиной и Припятью, древляне – в Волини, бужане и дулебы – по Бугу...».

Гоголь, намеренный написать университетский курс русской истории, в своих «набросках очерка о славянах» приводил летописные сведения тоже сжато, но ёмко – как и положено великому мастеру слова. Он отмечал:

«Поляне по Днепру. Киев.

Древляне тоже по Днепру, но в лесах, к северо-западу от Киева. Главный город Коростень (Искоростень, – С.К.)...

Северяне поселились на трёх реках, Десне, Сейме и Суле, и на сей последней назывались суличами. У них Ярослав выстроил Новгород Северский – 1044.

Радимичи по реке Соже.

Вятичи у верховья Оки, где по словам Нестора, Вятко основал жилище.

Бужане по Бугу, на место их являются волины, где великий князь Владимир построил город в своё имя.

Дулебы тоже по берегам Буга упоминаются...

Лютичи тоже по берегам Буга и Днестра.

Угличи при реке Угли (ныне называемой Орлом), покорены Свенельдом, воеводою Игоря...».

Но это – начальные века нашей эры. То есть – не более двух тысяч лет.

А ведь «первый период нашей истории», в котором отыскиваются корни русского народа, начинается не тысячелетие, не два назад, а, по крайней мере, десять-пятнадцать тысяч лет назад! Теперь мы знаем, что, праславяне тшинецко-комаровской, например, культуры, жили в бронзовом веке. Это – десять тысяч лет тому назад.

На берегах Дона в Воронежской области у села Костенки обнаружено древнейшее в Европе поселение людей кроманьонского (то есть, современного) типа. На площади в 10 квадратных километров раскопано более 60 стоянок эпохи верхнего палеолита в возрасте от 15 тысяч до 45 тысяч (стоянка «Костенки-12») лет. То есть, однажды придя сюда, люди из этих мест уже не уходили на протяжении десятков тысяч лет! И люди эти были предками праславян, как сами праславяне были нашими предками...

У Ключевского о тех временах и слова нет – он о них просто представления не имел. А его «Древняя» Русь – это, собственно, Киевская Русь раннего средневековья! История же русская намного древнее Киева – древнее на тысячелетия, потому что русские славяне, которые заложили некогда Киев, были не пришлыми откуда-то, а были дальними потомками тех, кто жил за тысячи лет до них на берегах того же Днепра.

Великие писатели порой видят историю глубже, чем профессиональные историки, а великий русско-украинский писатель Николай Васильевич Гоголь и историей занимался профессионально. Так вот, ему принадлежит меткое замечание: «Расселение – старый конёк и привязка, за это обыкновенно хватаются летописцы и создают <легенды?>, потому что носят в себе образ переселения сынов Ноевых, и проч. Вывод. Славяне жили уже очень давно на местах своих».

Пушкин в «Заметках по русской истории» тоже делает сходный вывод: «Славяне с незапамятных времён населяли эту обширную область; города Киев, Чернигов и Любеч не менее древни, чем Новгород Великий, свободный торговый город, основание которого относится к первым векам нашей эры...».

Иными словами, Новгород и Киев жили, развивались *и благополучно управлялись* задолго до появления в Новгороде князя Рюрика, приглашённого новгородцами якобы для того, чтобы «навести порядок»...

В сентябре 1862 года в Новгороде – как «колыбели царства всероссийского», торжественно было отмечено «тысячелетие России», император Александр II открыл памятник работы Михаила Микешина, так и названный – «1000-летие России»...

Эта тысяча лет русской истории брала за точку отсчёта именно начало княжения Рюрика в Новгороде, однако русская история и русская государственность намного старше времени Рюрика.

Причём русская история не просто старше её официального, так сказать, начала – она ещё и абсолютно уникальна, и не только по тем основаниям, о которых уже говорилось. Она уникальна ещё и потому, что русская история отличается, и отличается принципиально, от истории всех остальных народов тем, что **только русский народ, имея на своём пути исторических препятствий и исторических ошибок больше, чем все остальные великие народы, вместе взятые, смог к началу XX века создать прочное национальное государство, которое заняло одну шестую часть земной суши...**

Да, Британская империя охватывала вообще весь мир – как говорили, над ней «не заходило солнце»... Однако это был, всё же, совершенно иной случай, и вряд ли это надо долго доказывать.

В истории мира известен ряд как исчезнувших, так и по сей день благополучно существующих выдающихся государств. Их история и жизнь интересны и поучительны, как, впрочем, интересны и поучительны – на свой лад – история и жизнь вообще любой страны, любого народа мира. Даже в современной Империи Зла – Соединённых Штатах Америки, есть много такого, что иным народам не мешает учесть и перенять. Даже в Соединённых Штатах Америки живут миллионы людей, которым самый достойный и заслуживающий самого глубокого уважения человек не постыдится пожать руку.

Однако в мировой истории имеется лишь одна великая держава и лишь один великий народ, которые выделяются среди других особой человечностью и особой, лишь им свойственной судьбой.

Народ это – русский.

А держава – Россия.

Имеется в виду, конечно, не тот геополитический обрубок, который ныне именуют то «Россия», то «Russia», а историческая Россия, распространившая свои пределы от балтийских островов Эзель и Даго до тихоокеанских Командорских и Курильских островов, и от гор Памира до Земли Франца-Иосифа...

Свою самобытную судьбу имеет каждый великий и даже не очень великий народ. И нередко судьба одного народа оказывалась прямо и тесно связанной с судьбами остального мира. Классический пример – древние греки. Они дали человечеству такой выдающийся цивили-

лизационный импульс, что мы и сейчас испытываем всестороннее влияние их культуры – через три тысячелетия после её зарождения.

Или германская наука и культура – продукт гения немецкого народа. Они мощно продвинули мировое развитие, как и наука и культура английская, французская, итальянская – продукт гения английского, французского и итальянского народов.

Значимо и особо вошли в жизнь мира древние культуры Китая, Японии, Индии...

Но при этом ни один из всех великих народов, кроме русского, не имеет, во-первых, **жертвенной** судьбы. Жертвы, ценой которых стало развитие других народов, были принесены нами на алтарь мировой цивилизации уже в период раннего Русского государства. Это не был, конечно, осознанный жертвенный порыв – просто территория, на которой начали складываться государственные объединения русских славян от озера Ильмень до среднего течения Днепра, оказалась той преградой, о которую предстояло разбиться потоку кочевников Дикой Степи. До Европы этот поток если и добегал, то лишь слабыми ручейками. Потопа Европа не испытала, и за русской спиной могла развивать свои силы всемерно и непрерывно.

А Русь?

А Русь в своём развитии была насильственно заторможена на добрых три сотни лет. В результате ни один другой великий народ не имеет настолько трагической **и неровной** истории, как русский. Никто не испытал на своём историческом пути такого числа трагедий и падений, обусловленных *внутренними* причинами, как это было на Руси. Имеет даже хождение невесёлая шутка: «Русские сами создают себе препятствия, которые потом героически преодолевают».

Однако, справедливости ради, надо заметить, что немалые препятствия нам создавал и внешний мир. После того, как по Руси прошёл Батый, она надолго стала страной азиатской, утратившей активную связь с Европой. А Польша оказалась страной полу азиатской, полу европейской. Почему? Да потому, что конный вал Орды до Польши если и докатывался, то – ослабленный русским волноломом.

После нашествия Батыя на Руси остался нетронутым, по сути, лишь Новгород.

Зато в Европе сохранился и Париж с Сорбонной, и каналы Венеции, и папский Рим...

В советские во времена во Владимире в старинной башне, где был устроен музей, экспонировалась диорама, изображавшая захват и уничтожение Владимира в 1238 году ордой Субудая, военачальника Батыя. Над ней крупными буквами было написано:

«Героическое население Владимира предпочло умереть, но не покориться захватчикам. Своим самопожертвованием они помогли Западной Европе избежать подобной судьбы и спасли европейскую цивилизацию от уничтожения».

Это было признание мировых заслуг Русского Добра Советским Добром. Не знаю, сохранилась ли эта надпись сегодня – во времена усиленно прививаемой (палачами жертвам) «всеобщей» «политкорректности».

Имея в виду русскую историю, включая уже и Великую Отечественную войну, американский физик Фримен Дайсон, посетивший Владимир в семидесятые годы, писал в своей книге «Оружие и надежда»: «Когда советские люди думают о войне, они думают о себе не столько как о воинах, сколько как о жертвах... Но русские кое-чему научились по части военного искусства с 1238 года... За прошедшие столетия русские, всё ещё считая себя жертвами, стали на самом деле нацией воинов...».

Вот почему мы не озлобились. Став нацией воинов, мы никогда не были нацией агрессоров, потому что на себе самих мы в полной мере испытали, что значит быть жертвой агрессии. Однако быть вечной жертвой русские не пожелали, и поэтому русским пришлось стать воинами. А после опустошающей волны степного нашествия нам пришлось по кирпичику – впервые в своей истории, но, увы, далеко не в последний раз – воссоздавать Державу.

Имеет ли кто-либо право унижать и принижать мировую роль и значение Русского Добра на том основании, что оно на столетия оказалось замазано копотью от сгоревших летописей, книг, мастерских ремесленников, дворцов князей и изб крестьян?

Русское Добро угнетали и втоптывали в грязь и позднее. И занимались этим не только силы внешнего Зла, но и силы Зла доморощенного – на Руси всегда хватало идейных наследников князя Курбского, предавшего Ивана Грозного и Россию. Для них не было ничего важнее их спеси, их привилегий, их шкуры.

Но не они создавали Россию.

Ни один народ в мировой истории не страдал так, как страдал русский народ. А страдание порождает или озлобленность, или – способность к *состраданию*. Причём – к состраданию деятельному, когда делятся последним куском хлеба, кровом, общностью судьбы.

Русский народ пришёл к осознанию Добра как высшей ценности не через рассуждения мыслителей, а через реальность своего трагического исторического бытия. Огонь пожаров русских городов – центров экономики и культуры, уничтожал материальную базу развития России, но он же очищал народную душу от мелкого, меркантильного расчёта. Страдая, эта душа век за веком исполнялась Добра и способности к Добру. Потому-то русские и смогли почти бескровно расширить пределы Державы до одной шестой части планеты, не уничтожая более слабые народы, а включая их в орбиту своей жизни.

Ко второй половине позапрошлого века российская Держава заняла пространства от Балтики до верхнего течения Юкона на Североамериканском континенте и от Кавказа и Памира до Арктики.

Но когда началась эта история?

В спорах историков – искренних и лукавых, внутри и вне России, о том, где отыскиваются корни русского народа, сломано, пожалуй, побольше копий, чем на полях сражений за многие века русской истории...

Даже краткий обзор этих споров, яростно выясняющих, кем были наши предки – русью, или славянами, или варягами, или руссами и т. д., занял бы не одну страницу, однако с позиций анализа альтернативности русской истории в таком обзоре нужды, во-первых, нет.

Во-вторых, и с позиций обзорного анализа имевшей место реальной русской истории, этот вопрос не так уж и важен. Ясно, что так же, как бесполезно искать древних кельтов на Днепре и Волхове, бесполезно искать славян на Рейне и Сене... Праславянские племена всегда занимали территорию от Балтики до Чёрного моря, и великие реки праславянства – это Висла, Десна, Днепр...

Блок назвал русских скифами («Да, скифы мы, да, азиаты мы...»), однако русские – не скифы...

Советский антрополог, археолог и скульптор Михаил Герасимов известен своими скульптурными реконструкциями лиц людей по черепу. Ему принадлежат реконструкции различных типов населения территории СССР от палеолита до нового времени... Есть среди них и портрет скифа, жившего где-то в VII–IV веке до нашей эры, восстановленный по черепу из раскопок курганной группы «Сирко» в селе Сумском близ Никополя на Днепропетровщине. А есть и портрет молодого фатьяновца, воссозданный по черепу из раскопок Тимофеевского могильника в Ивановской области, относящегося к Фатьяновской культуре середины II тысячелетия до нашей эры.

Скиф по времени ближе к нам, чем фатьяновец, живший на тысячу лет раньше скифа, однако типично русские глаза смотрят на нас из глубин именно фатьяновской культуры.

Это, конечно, не значит, что скифы не роднились с праславянами, живя с ними бок о бок. В 1763 году русский генерал А.П. Мельгунов раскопал курган неподалёку от современного Кировограда – это были первые в мире научные курганные раскопки. В богатом погребении

воина-вождя VI века до нашей эры было найдено оружие скифского типа и золотые украшения, близкие ассирийско-вавилонским. То есть, цивилизационные связи тех давних времён были вполне разветвлёнными, и уж человеческие связи тоже имели место широко.

Но русское праславянство лишь вливалось в себя притекающие струи, существенно не изменяясь при этом в течение тысяч лет.

Сербско-хорватский язык, как и болгарский язык, сходны с русским (украинским, белорусским) настолько, что русский, украинец, белорус, абсолютно не знающие сербского и болгарского языка, без словаря поймут основное содержание текста на сербском и болгарском языках – благо все пять языков используют для письма кириллицу. Но сербы и болгары – не русские. И национальные корни у них разные, и национальные судьбы – тоже.

У поляков и русских в двусложных, чисто славянских именах второй корень то и дело «слав» – Святослав, Болеслав, Чеслав, Вячеслав, Владислав, Горислав, Изяслав, Ярослав и т. д. И это «...слав» идёт, скорее, всего, не от слова «слава», а от самоназвания «славянин», «славен». Однако поляки – не русские, а русские – не поляки...

Крупнейший немецкий славист Макс Фасмер писал, что слово «славянин» «не имеет ничего общего со *slava “слава”, которое повлияло в плане народной этимологии лишь позднее». Со ссылкой на «Повесть временных лет» Фасмер считает, что древне-русское *словѣне* – это название восточно-славянского племени близ Новгорода, но тот же Фасмер выводит этимологию слова «славяне» как производное от гидронима «Словутить» – эпитета Днепра.

Где Новгород, стоящий на Волхове, а где – Днепр-Славута с Киевом? А вот же, объединяет их одно и то же древнее слово...

И только ли слово?

Новгород и Киев объединяет издревле не только языковая общность – таковая у нас имеется не только с сербами и болгарами, но и с поляками, чехами, хорватами, словаками, и даже отчасти с литовцами... Новгород и Киев объединяет общая база формирования национального характера – особая привязанность к родной земле, верность ей, проносимая через века из поколения в поколение...

А ядро будущего русского народа составили те из праславянских племён, которые на землях, составивших Русское Киевское государство, жили со времён палеолита до неолита и позже.

И не уходили с них!..

В северном Поднепровье у черниговского села Мезин возле Новгорода Северского открыта палеолитическая стоянка с жилищами из дерева и костей мамонта. Найден там и браслет из бивня мамонта с характерным извилистым рисунком – так называемым «меандровым», ставшим известным по культуре древней Греции. Однако не греки, как видим, придумали этот рисунок, зато он по сей день угадывается в мотивах русских и украинских сорочек-«вишиванок»...

Широко известна Трипольская неолитическая культура, названная по месту открытия у села Триполье в Обуховском районе Киевской области... Ранний её этап датируется 4000–3600 годами до нашей эры, то есть – IV тысячелетием до нашей эры, поздний этап отыскивается в раскопах поселений 3150–2350 годов до нашей эры...

Расширяющимся углом в районе Триполья в Днепр впадают реки Стугна и Красная, а на самом Днепре в этом месте есть много островов, удобных для укрытия от нападения, так что выбор места для поселения был очень удачным. Однако Трипольская культура – это не только и не столько даже само Триполье...

Обычно неолитические и вообще археологические (то есть, известные только по раскопкам) культуры называются по той местности, где эти культуры были впервые открыты – открыты, в том числе, в прямом смысле слова, то есть, раскопаны из-под накопившихся за тысячелетия пластов почвы. Открытая в украинском Триполье, Трипольская культура просле-

живается как на территории Украины, так и в Молдавии, в Румынии. «Трипольские» племена продвигались и на север, на восток – в нынешние великорусские земли. «Позднетрипольские» племена переходили уже к культуре эпохи бронзы...

В последнее время высказываются версии о том, что поздние «трипольцы» добрались до Средиземноморья, обосновались на острове Крит. Усматривают праславянские корни этрусков – народа с загадочной судьбой, повлиявшего на культуру Древней Греции и Древнего Рима. Глядя на мезинский «меандр», отрицать подобные версии не просто. В итальянской Тоскане сохранились развалины этрусского города Вольтерры, который 2500 лет назад окружала каменная стена длиной 6,5–8 километров. Не был ли это отголосок опыта, приобретённого предками этрусков в иных местах и в иной цивилизационной ситуации? И не имеют ли стены Вольтерры предтечей славянские Змиевы валы, о которых будет сказано несколько позже? А, может быть, наоборот – Змиевы валы стали продолжением стен Вольтерры? Согласно римским авторам, этруски называли себя «раснами» или «расенами». Любопытная деталь! Условия жизни на русских равнинах и в итальянском климате очень разнились, и народ, привыкший ранее к суровой жизни, мог быстро расцвести под тёплыми лазурными небесами.

Однако история этрусков не перекликается с русской историей прямо, и для целей данной книги сказанным выше можно ограничиться. В территориальных же границах непосредственно праславянского «пятна» на просторах Европы находится целый ряд открытых археологами культур.

Так, Фатьяновская культура – археологическая культура бронзового века первой половины второго тысячелетия до нашей эры, распространена от Прибалтики до Волги и Камы, а названа по могильнику, открытому у деревни Фатьяново Даниловского района Ярославской области. Археологи предполагают прародиной фатьяновцев территорию между Днепром и Вислой, при этом Фатьяновская культура включается ими в состав большой культурно-исторической общности – так называемой культуры боевых топоров и шнуровой керамики, предков славян, балтов и германцев...

Днепро-донецкая археологическая неолитическая культура, связанная с тшинецкой культурой эпохи бронзы и трипольской культурой – это конец V – середина III тысячелетия до нашей эры... Первые открытия её поселений – в Поднепровье и на Северском Донце, а также в украинском и белорусском Полесье.

Тшинецкая культура названа по остаткам поселения близ современного Тшинца в Люблинском воеводстве в Польше, однако она прослеживается, как уже сказано, и восточнее – к землям будущей русской Слободской Украины. И это примерно XVI – середина XII века до нашей эры...

Зарубинецкая культура – археологическая культура II века до нашей эры – I века нашей эры, занимала территорию Среднего и отчасти Верхнего Приднепровья (юг Белоруссии и север Украины). Названа по могильнику у села Зарубинцы Киевской области, открытому в 1899 году В.В. Хвойкой. А между Киевом и Каневым в месте, где Днепр образует крутую, выгнутую на север излучину шириной более 10 километров, на обрывистом правом берегу Днепра расположено древнее Трахтемировское городище площадью около 500 гектаров. Оно защищено ещё и системой валов, причем внешний вал полностью перекрывал расстояние от верхней части излучины до нижней части, и внутри этого защищенного пространства находится также село Зарубинцы...

Турово-Пинские земли были густо покрыты селениями уже в первые века нашей эры, как и земли современной Киевщины, как и более восточные и северные территории, тоже заселённые русскими славянами, – например, в районе современного Чернигова, где находится три группы Шестовицких курганов у села Шестовицы на правом берегу Десны.

Археологи и историки для удобства разделяют те давние эпохи по названиям, отыскивают различия, а ведь все эти «культуры» на самом деле – одна огромная неразрывная и пре-

емственная культура множества отдельных племён, разнящихся, конечно друг от друга, и даже враждующих друг с другом, но в целом родственных по языку, быту, образу хозяйственной деятельности... Все эти люди тысячелетиями занимались земледелием, домашним скотоводством, охотой и рыболовством, знали металлообработку, развитую керамику и занимали огромную территорию между, напоминая, Балтикой и Чёрным морем и далее – к Дону, Волге и Каме...

Уже Гоголь обратил внимание, что на балтийском острове Ругене в густом лесу есть запovedное озеро с чисто славянским названием *Студенец*. То есть, праславяне расселялись на большие пространства. Однако у этой географически протяжённой обширной исторической общности было некое ядро, срединная область с условным центром в районе среднего течения Днепра – там где была и развитая речная сеть, и богатые леса, лишь на юге переходящие в лесостепь и степь, где основное население составляли скотоводы-кочевники...

Есть русская пословица: «Где родился, там и пригодился»...

Те южные славяне, что ушли на Балканы – будущие болгары и сербы, ушли и от изначально славянского характера, хотя сохранили славянский язык.

Те западные славяне, что остались на месте, но соседствовали с Западной Европой – будущие поляки и чехи, вобрали в себя часть чуждых славянству германо-романских черт характера, хотя тоже сохранили славянский язык.

А русские славяне, занимавшие в славянской балтийско-днепровской общности срединное, «медианное» положение, никуда не уходили, чуждого влияния не испытывали, а тысячелетиями осваивали ту землю, на которой жили пра-пращуры... Потомки не уходили с земель предков под внешним давлением, а защищали их, и век за веком умирали там же, где родились, сохраняя тысячелетние традиции. Опять-таки, Гоголь, который умел мыслить не только образно, но и логически, отмечал, что то, что «славяне были слишком древни и коренной народ» доказывается и тем, что «не было слышно ничего» об их переселении, хотя славяне были издревле многочисленны... Гоголь пишет, что «готы, гунны, авары и все наводнявшие толпы исчезли, а земля осталась, вся покрытая славянскими племенами». Однако полностью это справедливо именно для восточных, прарусских славян – южные славяне мигрировали на Балканы, о чём как раз «слышно» было.

Показательная деталь – ни у южных, ни у западных славян летописи не отмечают традиций народного «веча» – они стали элементом общественного быта только у восточных, у русских славян. Поэтому будет ошибкой очень уж роднить русских с сербами и чехами – языки сходны, а цивилизационные основы – разные. Только русские славяне оказались подлинными наследниками праславян, только русские славяне – как славянская «медиана», продолжили ту историю славянства, которая не записана в летописях, а начиналась у костров палеолитических и неолитических стоянок.

Не случайно и то, что только русское славянство так долго сохраняло язычество. Западные славяне без особой натуги стали католиками, южные – христианами «греческого» толка, а восточные славяне и через века после христианизации своих западных и южных соседей оставались язычниками. И это было не примитивное идолопоклонство! Пантеон русских языческих богов – о нём ещё будет сказано, был самобытен, ярок и богат. С точки зрения обеспечения духовного здоровья народа, исповедующего ту или иную религию, русский языческий культ с его многобожием воспитывал не запуганную, а сильную, смело идущую в мир личность. Трудно (если вообще возможно!) найти среди мировых религиозных культов более жизнеутверждающую и так органически слитую с природой систему, чем русское язычество. Оно исчерпало своё цементирующее народ значение лишь ко временам развитой Киевской Руси.

Так богато и сильно складывался русский национальный характер, а этот характер определял и историю народа, живущего на Русской земле, и особую русскую государственность...

Официальную русскую историю веками вели от новгородского Рюрика и киевского великого князя Владимира. Но русский национальный характер ко временам Рюрика и Владимира давно сложился... И всё тот же Гоголь имел основание отмечать, что древляне, жившие в лесах по Днепру и имевшие центром город Коростень, «уже давно имели собственное правление и князей».

Но это же верно не только для древлян с их князем Малом, но и вообще для русских славян – от Коростеня-Искоростеня до Новгорода.

Изначально русский характер формировался как осознание глубокой связи с природой. Значит – был в основе своей гармоничен. Потом он был неоднократно искажён и исковеркан, но нечто, входившее в душу русских славян тысячелетиями, оставалось и передавалось из поколения в поколение.

Ничто не впечатывается в национальный характер так глубоко и неизгладимо, как та природная среда, в которой возникает и развивается этот характер. И Василий Ключевский совершенно правомерно соединял истоки русского национального характера с природой России. Ключевский писал: «Лес, степь и река – это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению».

«Лес, – замечал он далее, – служил самым надёжным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки. Степь – широкая, раздольная, воспитывала чувство шири и дали, представление о просторном горизонте. Русская река приучала своих прибрежных жителей к общежитию и общительности. Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение».

Прекрасная, точная характеристика... И в такой характеристике ничто не указывает на условия, которые подталкивали бы русских славян к мечу, а не к плугу. Держать постоянно в руках меч вынуждали нас не идущие изнутри импульсы Зла, а необходимость отстоять себя от напора внешнего Зла.

Академик Б.А. Рыбаков в своей книге «Язычество древних славян» пишет (отточия, как и выше, для удобства опускаются):

«Праславянам с юга грозили киммерийцы. Приднепровские славяне оказались впервые в своей истории под ударами первых кочевников-степняков. Однако праславяне, жившие в приднепровской лесостепи, нашли в себе достаточно сил для того, чтобы, во-первых, создать по образцу киммерийского своё вооружённое всадничество, а во-вторых, выстроить примерно в IX–VIII вв. до н. э. (это более чем за полторы тысячи лет до святого Владимира! – С.К.) на границе с киммерийской степью целую систему крепостей, в которых могло укрыться от набега всё население окрестного племени».

Подчеркну: праславяне защищали именно всех, а не избранных. Так, к VI веку до нашей эры относится постройка – с участием всего населения – громадного укрепления в Поворосколье с площадью около 40 квадратных километров, с периметром стен почти 30 км. «Весь комплекс справедливо рассматривают как укрепление, построенное для союза племён, разместившихся по Ворскле. На случай опасности здесь действительно могли укрыться десятки тысяч людей со своими пожитками и стадами», – замечает Рыбаков.

Это – данные раскопок. Но академик Рыбаков проводит и интересное исследование связи с реальными археологическими данными южнорусских, украинских легенд Поднепровья о страшном Змее и Кузнецах-змееборцах. Переходя к связи жизни и мифа, он пишет:

«Праславяне на Тясмине и на Ворскле – на пограничье с киммерийско-скифской степью – строят разнообразные мощные укрепления, требовавшие всенародного участия. Здесь первобытность подходит к своему высшему пределу, и мы вправе ожидать рождения новых представлений и вправе искать их следы в позднейшем фольклоре. Филологи справедливо считают эпоху металла и патриархата, когда происходит этническая и политическая консолидация, временем зарождения новой формы – *героического эпоса*».

И кто же становится эпическим героем у наших праславянских предков? Рыбаков отвечает на этот вопрос так:

«В праславянской области рождение плуга, кузницы и воинов-богатырей происходит в единое время; культурный герой-кузнец и воин, защищающий свой народ, хронологически слиты воедино».

Итак, славянским героем оказывается не завоеватель, а защитник. Причем защитник, соединяющий в себе и созидательное начало, и силу, способную вооружённой рукой защитить ею же созданное!

Защитить слабых способен лишь добрый, злой их обижает. И русские Кузнецы-богатыри в легендах борются с беспощадным Змеем, пожирающим и старого, и малого. В образе Змея исследователи справедливо усматривают олицетворение степняков-кочевников, выжигавших всё дотла. Как видим, огненные языки внешней беды пылали на Земле Русской задолго до монгольского нашествия.

Победив Змея, божественные Кузнецы запрягают его в выкованный ими плуг и пахут на нем гигантскую борозду. Причём оружием победы становится не меч, а кузнечные клещи – когда чудесный Кузнец схватил Змея клещами, то Змей предложил: «Довольно, будем мириться: пусть будет вашего света половина, а половина – нашего... поделимся». В ответ же слышит: «Лучше переорать свет, чтобы ты не перелезал на нашу сторону брать людей».

Итак, силой Добра и Труда создаётся такое положение дел, когда на пути агрессии воздвигается непреодолимая преграда. Соответственно, не агрессивность, а сдерживание агрессии – изначальная воинская философия русского праславянства! Миротворческая политика России восходит к традициям нескольких тысячелетий.

В народной памяти сохранилось название «Змиевы валы». Так называют остатки древних оборонительных сооружений, проходивших южнее Киева по берегам Днепра и вдоль его притоков. Следы валов сохранились по рекам Вита, Красная, Стугна, Трубеж, Сула, Рось... Они достигают десятков километров длины и десяти метров высоты...

О времени их возведения спорят – одни относят его к I тысячелетию до нашей эры, другие – к I тысячелетию уже нашей эры... Есть версия о постройке валов при великом киевском князе Владимире Святославиче и его преемниках одновременно с постройкой крепостей по Десне, Остру, Трубежу, Суле, Роси и Стугне для обороны от печенегов и половцев.

Но, скорее всего, верны все три версии – по преемственности. Задача обороны русского славянского народного ядра от степных набегов стояла перед русскими славянами в течение не одного тысячелетия, поэтому валы возвели очень давно, а потом их развивали, укрепляли, дополнительно подсыпали и усиливали их оборонительное значение постройкой крепостей...

Причём Змиевы валы хорошо увязываются с праславянскими защитными сооружениями против кочевников-киммерийцев, обитавших в причерноморских степях в I тысячелетии до нашей эры.

Показательно, что русские народные сказки связывают появление Змиевых валов не только с Кузнецами-змееборцами, но и с богатырём Никитой Кожемякой... Победив змия,

осадившего Киев и требовавшего дани в виде детей, Никита, как и Кузнецы, впряг погань в железный плуг и проложил рубежную борозду до самого моря.

Очищая предания от мифологического элемента, их не только можно, но и нужно рассматривать как важнейший дописменный источник исторических сведений. Прекрасный советский историк, академик Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) считал, что «народ, переживший на протяжении своей истории много тяжёлых и радостных событий, прекрасно их запомнил, оценил и пережитое передал на память следующим поколениям»...

«Былины, – писал Греков, – это история, рассказанная самим народом, – и пояснял. – Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки, объясняемые тем, что опозтезированные предания не записывались, а хранились в памяти отдельных людей и передавались из уст в уста, но оценка событий здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события, самым непосредственным образом в них участвовавшим...»

Блестяще аргументированная точка зрения! От археологических дописменных праславянских времён не осталось ни одного свидетельства, зафиксированного в человеческом слове – исключая, разве что, искажённые сведения античных и древних восточных авторов, сообщавших о русских славянах. И, всё же, мы имеем точные исторические свидетельства о сути тогдашних исторических процессов, дошедшие до нас спустя тысячелетия через живое изустное народное предание... Греков, цитируя Байрона, справедливо подытоживал: «Глубоко прав... Байрон, указывая на то, что историк чаще вводит в заблуждение, чем народная песня».

Хотя и лесистая, однако равнинная, Русь, особенно в зоне, граничащей со степью, всегда была удобным полем для нашествия агрессора. Поэтому и во время создания праславянских легенд, и много позже, русским людям приходилось воевать часто и кроваво. Не всегда это были лишь оборонительные войны, о чём позднее будет сказано, однако в первооснове русского национального характера агрессивность не привилась – что видно и по составу пантеона основных языческих русских богов.

Список их составил киевский великий князь Владимир в 980 году нашей эры – когда готовил крещение Руси. Вот этот список: громовержец Перун, повелитель ветров Стрибог, солнечно-огненные Дажьбог и Хорс, крылатый пёс Симаргл, охраняющий посевы, и богиня Макошь – пряжа судьбы. Этот список – некий официальный итог мифотворчества многих поколений.

Через восемь лет языческие «идолы» будут порублены во славу Христа. Лишь серебряного и златоусого Перуна дружинники Владимира с почётом сплавят по Днепру до порогов. Но богу войны в этой компании места не нашлось.

Нет его ни среди основных, ни среди второстепенных русских богов. Сварог-кузнец... «Земной» скотоводческий бог Велес... Ярило – сила зерна... Лада-весна, несущая радость и счастливый брак... Все эти образы наполнены мирными заботами и устремлениями, мирной жизнью и мирным мироощущением. Они наполнены Добром.

Это, конечно, не свидетельствует о мягкотелости и беззубости русских славян. Крупный русский историк и публицист Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920), полемизируя с чешским славистом Шафариком, писал в 1890 году, что «надо оставить мнение, пущенное в ход хотя и знаменитым писателем (Шафарником), но тем не менее ошибочное мнение о какой-то...пассивной натуре славян».

Говорить о пассивности народа, силой оружия не раз отстоявшего свою свободу и независимость, перешагнувшего ко временам Шафарика Тихий океан и создавшего Русскую Америку, было просто смешно. Подобное мог заявлять лишь западный славянин XIX века, показывающий немцам фигу исключительно в кармане. Зато Гоголь, как глубоко русский человек, обратил внимание на такую черту русских славян, как «удобоприменяемость»... Славяне,

пишет он, «делались воинственными, мирными, смотря по направлению, им данному». Это – меткое замечание: мирное направление, даваемое славянской душе богатой природой, сочеталось с вынужденной воинственностью, обусловленной близостью к Дикому Полю.

В жизни праславян был ещё один бог – Род, значение которого в ранних российских фольклорных исследованиях прикидывалось до роли чуть ли не простого домового. Однако Род – это не просто олицетворение крепости и неделимости племенного рода, собрания потомков, но и славянский аналог Саваофа, Творца, Создателя.

Бог Род древнее Перуна!

И то, что главное, потаённое, пришедшее из эпохи первого осмысления Бытия божество у славян отождествлялось с идеей рода – большой «семьи», тоже говорит о национальном славянском характере многое. И это «многое» также окрашено не кровью, а мыслью о мире, и привязанностью к родной земле.

Это ведь не шутки – тысячелетия назад поставить в глубинах народной души превыше всего свой род, соплеменников, соотечественников! Так формировался совершенно особый – русский, патриотизм, сказать о котором у нас ещё будет повод...

Прочно вошел в славянское сознание и сохранившийся до XIX века древний матриархальный культ рожениц, двух Лосих – матери и дочери. Можно сказать, что идеи вселенской Доброты стали не столько философией русского славянства, сколько жизненным и социальным принципом, глубоко выросшим в *быт народа*.

Даже в отношении своего героического эпоса Россия в истории мира стоит особняком. У нас нет своего «Сказания о Гильгамеше», нет своей «Илиады», хотя русские и прибывали русский щит к вратам Царьграда. Зато у нас есть былины о витязях – защитниках Руси и народа. Это – общерусские герои, герои не только южной Киевской Руси, но и северного Московского государства. Ведь **«киевский» цикл русских былин был открыт в XVIII–XIX веках на великорусском севере как результат записей живого повествования сказителей в Заонежье, на берегах Печоры и Белого моря.**

Русский Север с тех пор стал называться «Исландией русского эпоса», но героями этого эпоса были русские киевские князья и русские богатыри русской киевской дружины. И хотя в былинах фигурируют опозитизированные образы, они в своей основе историчны.

Причём даже из поэтических былин видно, что их герои – деятели вполне централизованного государства. Впрочем, Киевская Русь выступает как единое государство со столицей Киевом (*caput regni*) и в летописных иностранных хрониках, например, – в польском латиноязычном средневековом источнике «Хроника Галла Анонима», относящемся к началу XII века.

В своё время в Советском Союзе чуть ли не в каждой третьей чайной висели васнецовские «Три богатыря»: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович – знаменитая русская былинная «троица», родившаяся в разных краях единой Русской земли.

«Малая» родина Ильи понятна уже из его прозвища – он родом из города Муром, из села Карачарова. Илья, «тридцать лет» просидевший на печи, – это образ той Руси, которая – по позднейшей характеристике Бисмарка – «долго запрягает, но быстро ездит».

Что же до Добрыни, то он имеет, скорее всего, реального исторического прототипа – дядю князя Владимира Святославовича, посадника новгородского, а затем воеводу киевского Добрыню. Упоминания о нём есть и в «Повести временных лет».

У Алеши Поповича – сразу несколько исторических прототипов.

И служат все трое, как и их ратные товарищи (а их в былинах упоминается *до пятидесяти!*) «красну солнышку» «ласкову князю Владимиру», что княжит в «красном Киевграде».

А ещё точнее – служат они русскому народу.

Сегодня русские былины читаются иначе, чем они читались десятилетия назад – в стабильные времена могучей Советской Руси. Сегодня возник вызов самой исторической будущности Российского государства. И это заставляет нас по-новому посмотреть на идеи «богатырского» цикла русских былин.

Скажем, тот же Илья Муромец... Получив богатырскую силу, он купил «доброго коня», «завёл латы богатырския... купил палицу тяжёлую... седлышко всё кипарисное...копё вострое всё брузаменское», и – в отличие от классического рыцаря-искателя приключений западного образца – отправляется в стольный русский град Киев к Владимиру.

А там Илья обращается к князю с просьбой позволить «послужить-то верою-правдою... неизменною» «за божьи церкви соборныя... за монастыри спасеныя». То есть – за русский дух на русской земле.

Возьмём тему «богатырской заставы», характерную для русских былин. Вот что пишет на сей счет исследователь былин В.И. Калугин:

«Заставы богатырские... – не просто поэтический вымысел, плод народной фантазии, а отражение вполне реальной исторической действительности. Именно такие богатырские заставы веками ограждали Русь со стороны Дикого поля, первыми принимали на себя удары косогов, хазар, половцев, а позднее – *языц неизвестных*, были, по сути, военными крепостями, пограничными форпостами... Руси. И так было не только во времена Киевской и докиевской Руси, но и в более отдалённые, когда в Приднестровье проходили оборонительные линии праславян... – знаменитые “Змиевы валы”».

То есть, былинные богатыри, боевые соратники князя Владимира по защите Русского государства, это продолжатели традиций могучих праславянских племенных союзов, потомки легендарных поднепровских Кузнецов-змееборцев, боровшихся со страшным Змеем. И стоит ли нам, да и Европе, забывать, что потомки праславянских Кузнецов в XIII веке нашей эры заслонили от напора азиатского Дикого поля не только Русь, но и Европу?

Впрочем, от времён начальной русской истории – как истории начальной русской государственности, до времён этого цивилизационного подвига русского народа – невольного, но подвига, должно было пройти немало веков.

Глава 2. IX век – 1054 год: От Гостомысла и Рюрика к святому Владимиру

Не один век до наступления новой (нашей) эры, пра-русская история шла по вполне, казалось бы, однозначному пути, не имея не то что чётко обозначенных точек «бифуркации», но и вообще развилок и распутий. Поколение за поколением рождались, жили, восприняв опыт старших, накапливая и развивая собственный опыт, передавая его молодым... Затем одни старились и умирали, а жизнь племени, а с какого-то момента – объединения племён, а ещё с какого-то момента – уже и народа, продолжалась. Но перед чётко обозначенным историческим выбором восточные славяне не стояли – казалось бы...

Так ли это?

Вдумчивый анализ начальных веков прарусской истории, о которых мы знаем лишь по данным археологических раскопок, по искажённым сведениям восточных и византийских авторов, да ещё – из этнографических исследований народной культуры и преданий, позволяет взглянуть и на эти века под углом русских альтернатив, первая из которых возникла задолго до «рюриковых» времён.

У племенных общностей народов в те очень давние времена имелось две возможности – или жить там, где жили прошлые поколения, или искать лучшей доли за тридевять земель. Кто-то снимался с места, но кто-то так и оставался жить на земле пращуров. Об этом уже говорилось, но к этому аспекту истории народов имеет смысл вернуться...

К IV–VII нашей эры относят так называемое Великое переселение народов – этнические перемещения в пределы Римской империи. В конце IV века из Приуралья на запад двинулись гунны, переправившись через Волгу. Вместе с покорёнными ими аланами они прошли по землям готов в Северном Причерноморье, а потом эта волна покатила – не в один, конечно, год и не в одно десятилетие, ещё западнее...

В VII веке на Балканы пришли южные славяне, но – не русские славяне...

Русские, восточные славяне, так и остались на землях, обжитых ими за тысячелетия. И это ведь тоже был выбор – первый, не определённый сжатыми временными рамками, но реальный исторический выбор на цивилизационном распутье.

Если уж гунны и готы двинулись на Рим с Урала и Дона, то с Днепра до Рима было ещё ближе. Тем не менее прарусские племена не изменили родным могилам, проявили истинный патриотизм в точном смысле этого слова, означающего «любовь к Родине».

Не лишне повторить: той силой любви к Родине, тем чувством **рода**, которые выказывали век за веком восточно-славянские народные массы – именно массы, не может похвалиться ни один другой народ мира... Националистические чувства – это совсем другое, они отгораживают один народ от другого. А патриотизм – из высшей сферы человеческих чувств, он рождает великую формулу любви к своей Родине при уважении к чужому патриотизму: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим»!

Этот первый, растянувшийся на века, *не зафиксированный ни в каких летописях*, а отмеченный только в живых преданиях, исторический выбор русского народа – выбор неизменности любви к родной земле, и стал определяющим во всей последующей русской истории, развивающейся уже как история Русского государства.

А самым первым *письменно* зафиксированным русским распутием (зафиксированным, так сказать, официально и документально – в летописной «Повести временных лет») стал выбор Русью той или иной верховной власти. И хотя на поверку этот «выбор» оказывается в

системном смысле не существовавшим, а распутье – кажущимся, рассмотреть сложившуюся тогда ситуацию не только не помешает, а попросту необходимо...

Как известно, писанную историю Руси начинают с призвания на княжение в Новгород пресловутых варягов Рюрика, Синеуса и Трувора... Причём создатели так называемой «норманской теории» придавали акту призвания Рюрика гипертрофированное значение как началу российской государственности.

Первая (точнее – первая сохранившаяся) русская летопись Нестора – «Повесть временных лет», повествовала, «откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал первым княжить, и откуда Русская земля стала есть». Вот как раз с призвания Рюрика всё – по Нестору – якобы и началось...

За сложный в восприятии оригинальный древний текст, приводимый ниже, прощения у читателя не прошу – так писали наши пращуры. Однако напоминаю, что старорусская буква «ѣ» («ять») читается как «е», а твёрдые знаки ставились в конце слов, оканчивающихся на согласную, в русском правописании до 1918 года, когда это правило, вместе с буквами «ѣ» и «і» было отменено по решению Советского правительства.

Что же до «Повести временных лет», то там сказано так (счёт вёлся от «сотворения мира», и для перевода на новое летоисчисление следует из летописной даты вычесть 5508, что даёт для 6370 года летописи 862 год по новому летоисчислению):

«В лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнхъ, на мери, ...и на кривичах...

В лѣто 6370. Изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ (не было, – С.К.) в нихъ правды, и вѣста[л] род на род, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся (друг с другом, – С.К.). И рѣша сами в себѣ: “поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судил по праву”. И идоша за море къ Варягомъ, к Руси; ... Рѣша (сказали, – С.К.) Руси чюдъ, и Словѣни, и Кривичи и вси (весь, – племя, – С.К.): “земля наша велика и обилна, а наряда (порядка, – С.К.) в ней нѣтъ: да поидите княжить и володѣти нами”. И избрашася 3 брата съ роды своими, и пояща по собе (взяли с собой, – С.К.) всю Русь и приидоша: старѣйший, Рюрик, сѣде Новѣгородъ, а другой, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а третий [в] Изборстѣ, Труворъ. И от тѣхъ варягъ прозвалася Руская земля, новгородъци, от рода въряжска, прежде бо бѣша словѣни...».

Дмитрий Иванович Иловайский, приведя эти слова в 1890 году, далее горько и саркастически замечал: «В целой исторической литературе, наверно, ни одной легенде не посчастливилось, как той, которую мы сейчас выписали. В течение нескольких столетий ей верили и повторяли на тысячу ладов. Целый ряд почтенных тружеников науки потратил много учёности и таланту на то, чтобъ объяснить, обставить эту легенду и утвердить её на исторических основаниях; напомнимъ уважаемые имена Байера, Струбе, Миллера, Тунмана, Стриттера, Шлецера, Лерберга, Круга, Френа, Буткова, Погодина и Куника. Тщетно являлись им некоторые противники и с большим или меньшим остроумием возражали на ихъ положения; каковы: Ломоносов, Татищев, Эверс, Нейман, Венелин, Каченовский. Морошкин, Савельев, Надеждин, Максимович и др.».

Среди этих «др.» надо указать прежде всего самого Иловайского, которого считали «корифеем» анти-норманистской теории.

Причём Иловайский перечислил ещё и не всех своих оппонентов – по состоянию на конец XIX века.

Далее он продолжал:

«В области русской историографии поле оставалось доселе за системой скандинавomanов; назовёмъ труды Карамзина, Полевого, Устрялова, Германа, Соловьёва. Не говоримъ о трудахъ более дробныхъ, трактующихъ о норманскомъ периоде и о скандинавскомъ влиянии на русскую жизнь. Что касается западной литературы, тамъ скандинавская система царитъ безъ всякой оппо-

зиции; так что если речь заходит о Русском государстве, о начале русской национальности, то они неизбежно связываются с призыванием Варягов...».

Когда Иловайский писал это, историкам было известно очень немного из того, что знаем мы о праславянских археологических культурах сегодня. Тем более не знал о них Нестор, описывавший по прошлым летописям момент призвания Рюрика...

Знания же о праславянских культурах позволяют – при привлечении логики и здравого смысла – от «норманнской», «варяжской» теории русской государственности не оставить камня на камне.

Те защитные сооружения, которые прарусский народ строил век за веком, не построишь без прямой, распространяющейся на немалые территории, верховной власти! Здесь нужна и организация, и авторитет, а при необходимости – и аппарат принуждения.

Собственно, за века до призвания Рюрика земли восточных славян от Полоцка до Киева и дальше к Новгороду были буквально усеяны множеством селений и городов... Могли ли они обходиться как без местной компетентной власти, так без верховного координирующего и управляющего центра, каким был, например, Полоцк для Полоцкой земли?

При этом находившийся за сотни километров от Новгорода Полоцк по мнению ряда исследователей был древней колонией Новгорода. И нельзя ведь исключать, что, наоборот, полочане пришли на озеро Ильмень и реку Волхов, где поставили Новгород! Относительно достоверна лишь сама «до-рюрикова» связь Полоцка и Новгорода, а это доказывает, что «порядок» на русских землях русские были вполне в состоянии устанавливать и поддерживать сами.

Нестор, передавая не раз до него переписанное предание, не мог, конечно, и представить себе, какую историческую мину он закладывал, приводя легенду о призвании варягов – даже через тысячу лет эта легенда используется враждебными России силами. Так, в 2001 году профессор Лондонского университета Джеффри Хоскинг, которого представляют как специалиста по истории России, издал книгу «Россия и русские», где цитируется «Повесть временных лет», а затем делается вполне провокационный вывод, смысл которого заключается в том, что «относительно неразвитые»-де народы «для искоренения распрей» приглашали иноземного правителя – «носителя более высокой культуры», чтобы «положить конец междоусобным распрям, наладить торговлю и обеспечить защиту от внешних врагов».

И это после того, как тот же Иловайский целые книги написал, доказывая очевидную истину: не мог русский народ просто так – за здорово живёшь, отдаться под владение чужого рода и чужого народа – варягов.

И Иловайский был, конечно же, прав. К тому же говорить о варягах как о носителях более высокой культуры просто не приходится.

А вот Николая Михайловича Карамзина, автора знаменитой «Истории государства Российского», в истории Рюрика привлекло то, что она хорошо укладывалась в карамзинскую концепцию благотельности русского самодержавия для русского народа. Сильная самодержавная власть действительно оказалась для России жизненно необходимой – как мы позднее увидим – на протяжении ряда эпох. Однако к царствованию Александра I, которому Карамзин посвятил свой труд, самодержавный режим стал устаревшим и избыточным.

Карамзин, повествуя о призвании Рюрика, писал: «Начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают своё древнее народное правление (как видим, древнее народное правление, то есть, с использованием вече, признаётся, – С.К.) и требуют себе государей от варягов...». Свой рассказ Карамзин заключал заявлением: «Память Рюрика, как первого самодержца российского, осталась бессмертною в нашей истории...».

Эти и другие верноподанные пассажи дали Пушкину основания для следующей едкой, но точной эпиграммы на Карамзина:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Исторический Рюрик самодержцем, конечно же, не был – к русскому самодержавию Россия пришла через почти семьсот лет после появления Рюрика в Новгороде. Но есть ли вообще правда в сообщении летописца Нестора в «Повести временных лет» о варягах Рюрике, Синёусе и Триворе как о первых русских верховных вождях?

Судя по всему, исторически реален лишь первый персонаж, скорее всего – мелкий датский конунг, враждовавший со шведами, с которыми враждовали и северные славянские племена. Как личность Рюрик не мог не быть незаурядным человеком, умевшим сделать верный выбор. Он явно обладал решительностью и дипломатическими способностями, что и определило его как личную, так и историческую судьбу.

Система власти у восточных славян сложилась иначе, чем у других народов. В Новгороде, как и в других русских землях, власть принадлежала князьям, однако традиционно существовали и народные собрания – вече (от «вещать» – говорить)... К слову, если принимать теорию об этрусках, как о мигрировавших к Средиземному морю праславянах, то логично будет предположить, что древнегреческая агора – собрание полноправных граждан, на котором решались все важнейшие дела общественной жизни, это перенесённая в Средиземноморье традиция праславянского социума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.